

ПРОСОДИЧЕСКИЕ КЛИШЕ РИМСКОЙ ЭЛЕГИИ

Схематизм словорасположения в латинском элегическом гекзаметре и пентаметре обращает на себя внимание даже вне специальных изысканий. Представители римской элегии достаточно легко используют устойчивые схемы словорасположения (линейные схемы), например:

(J) V A_o / A_s ↔ S O.

Символами обозначены:

S – грамматический субъект;

O – грамматический объект;

A – согласованное определение;

(J) – средства синтаксической связи (союз, относительное местоимение, наречие), регулярные в ранней элегии и факультативные в поздней;

↔ – просодическая перестановка членов атрибутивного сочетания.

Примеры стихов указанной схемы многочисленны в текстах ранней и поздней элегии.

Tibullus (Hiller):

- I, 1, 42 Quos tulit antiquo / condita messis avo
52 quam fleat ob nostras / ulla puella vias
2, 5 nam posita est nostrae / custodia saeva puellae
6 clauditur et dura / ianua fulta sera

R. Namatianus (Helm), *De reditu*:

- I, 69 mitigat armatas / victrix clementia vires
95 confunduntque vagos / delubra micantia visus
102 consumunt totos / celsa lavacra lacus
119 abscondat tristem / deleta iniuria casu etc.

Традиционный стилистический анализ из всего многообразия линейных элегических схем выделяет лишь фигуру гипербата, акцентируя его эстетическую функцию (декоративная симметрия в оформлении концовок полустиший), реже синтаксическую (структурное

объединение полустушиий).¹ Между тем, гипербат ... А /... О // – элемент целостной схемы, сформированной не только в соответствии с эстетическими притязаниями поэтов, но и применительно к метрическим и лингвистическим реалиям латинского дактилического стиха. Аксиома об отсутствии для метрических закономерностей иных оснований, кроме эстетических,² нуждается в оговорках, если речь заходит об устойчивых схемах, одна из которых приведена выше. Язык поэтического жанра – единая система, уровни которой тесно взаимодействуют между собой, выполняя, помимо эстетических, важнейшие структурные функции.³ Так, синтаксис стихотворной строки прямо зависит от ее метра и фонетических характеристик языка,⁴ а потому линейная схема нормативного поэтического текста является в большей степени итогом борьбы метра с сопротивлением языкового материала, нежели выражением жанровых или авторских эстетических пристрастий.

Поэты – от новаторов до эпигонов – не в состоянии обдумывать размещение в стихотворной строке каждого слова. В языковой системе метра неизбежно складывается область готовых стилистических и просодических (ритмико-синтаксических) клише. Под *просодическими клише* мы понимаем регулярные словоформы, просодия которых максимально удобна для данной позиции стиха. Просодические клише необходимы для заполнения ритмически значимых позиций стиха, которыми в латинском гекзаметре и пентаметре являются концовки полустушиий.

Репертуар просодических клише дактилического стиха начинает формироваться в архаической поэзии: заимствованные из греческой традиции гекзаметр и пентаметр приспособляются к фонологии латинского языка, который по ряду релевантных для ритмики стиха показателей отличался от греческого. Латинские слова имели менее подвижное ударение, были беднее греческих краткими слогами,⁵ средний силлабический объем латинского слова составлял около 2,5 сло-

¹ L. P. Wilkinson. *Golden Latin Artistry* (Cambridge 1966) 213–217; T. E. Pearce. *Enclosing Word Order in the Latin Hexameter* // *CQ* 16 (1966) 150; D. O. Ross. *Style and Tradition in Catullus* (Cambridge Mass. 1969) 132–134.

² В. Axelson. *Mechanismus des ovidischen Pentameterschlusses* // *Ovidiana* (Paris 1958) 131.

³ Я. Мукаржовский. *Литературный язык и поэтический язык* // *Пражский лингвистический кружок* (М. 1967) 421.

⁴ В. Е. Холшевников. *Стихovedение и поэзия* (Л. 1991) 12; М. Л. Гаспаров. *Лингвистика стиха* // *Славянский стих. Стихovedение, лингвистика и поэтика* (М. 1996) 7.

⁵ *Ovid. Amores*. Ed. J. Mc Keown (Cambridge 1987) 114.

гов.⁶ Очень существенным, на наш взгляд, обстоятельством для словозаполнения стиха явилось резкое преобладание консонантного начала в знаменательном латинском слове. Судя по нашим выборочным подсчетам, в элегическом тексте (первые книги Тибулла и Намациана) и в прозаическом (“Первая речь против Катилины”, 1–20 Цицерона) доля полнознаменательных словоформ с начальной гласной фонемой составляет не более 25%. Последнее обстоятельство представляется принципиальным для заполнения тех позиций стиха, где запрещена замена дактиля спондеем и фонетические стыки слов контролируются строже: пятой стопы гекзаметра (Н–5) и второго колена пентаметра (Р–4, Р–5). Для пятой стопы гекзаметра уже Эннием, синтаксис которого не столь жестко, как элегический, подчиняется метру, использованы по преимуществу знаменательные словоформы с открытым кратким конечным слогом (просодические клише позиции Н–5): *nom. sing.* 1 склонения, *nom. = acc. plur.* среднего рода, *abl. sing.* 3 склонения и инфинитивы активного залога, главным образом *inf. praes. act.* Дополнительным, но важным ритмическим модификатором в эпическом гекзаметре выступает союзный аффикс *-que*:

Enn. *Annal.* (Warmington):

- 45–47 *nec sese dedit in conspectum corde cupitus
quamquam multa manus ad caeli caerulea templa
tendebam lacrumans et blanda voce vocabam*
97–99 *cedunt de caelo ter quattuor corpora sancta
avium, praepetibus sese pulchrisque locis dant
conspicit inde sibi data Romulus esse propritim.*

Смещение знаменательных словоформ с конечным кратким слогом *-a* и *-e* в строго дактилическую позицию второго полустишия гекзаметра продиктовано метрической необходимостью. Обусловленная языковыми данными “спондеичность” латинского гекзаметра предопределила изначальную строгость римских поэтов к *versus spondiaci*: в классическом гекзаметре цифры для пятого спондея не превышали 0,2–0,3%.⁷ Формально обеспечить пятый дактиль могло и слово с конечным закрытым кратким слогом (*syllaba anceps*), но при преобладающем консонантном начале следующего слова его просодическая валентность оказывалась вдвое меньшей. Учитывая предлагаемые

⁶ E. Th. Sturtevant. Word-ends and Pauses in the Hexameter // *AJPh* 42 (1921) 295;
К. Thraede. *Der Hexameter in Rom: Verstheorie und Statistik* (München 1978) 6.

⁷ Thraede. *Op. cit.*, 128.

языком обстоятельства, жанровая техника ограничивает подвижность в стихе форм с конечным открытым кратким слогом. Такие словоформы, весьма немногочисленные в латинских именных парадигмах, концентрируются в предпоследней стопе гекзаметра, поскольку идеально соответствуют ритмическим требованиям данной позиции.

В отличие от других формульных элементов поэтического текста просодические клише не соотносятся прямо с его семантическими и стилистическими характеристиками: высокий эпос и низкая сатира будут пользоваться одним и тем же арсеналом просодических клише. Вместе с тем очевидно, что пропорции клише в стихе определяются поэтикой жанра. По мере ужесточения ритмического канона потребность стиха в просодических клише и их роль в организации синтаксического уровня будут неизбежно возрастать. Литературная элегия демонстрирует наиболее высокую степень просодического и синтаксического единообразия стиха. Как ни сложно отделить причины от следствий во взаимодействии уровней текста, можно, однако, предположить, что толчком к насыщению элегического стиха клише и его отчетливой схематизации послужило сознательное ужесточение элегиками ритмического канона. Противопоставляя новый жанр (*versus tener*) “грубому” эпосу (*versus durus*), поэты стремились к идеалу ритмической четкости и последовательно совершенствовали систему словоразделов и мостиков. Элегия устраняла сверхсхемные словоразделы в конце полустушии, ограничивая тем самым постановку в этих позициях односложной и двухсложной (пиррихической) лексики. Не менее строго контролировалось и размещение многосложных слов, в том числе “фонетических”, в составе которых полноударное слово объединялось с клитиками. Ритмическая четкость означала и повышенное внимание к внутристиховым стыкам слов: ограничение элизий, особенно элизии дифтонга и долгого гласного, совершенствование консонантных стыков (отказ от архаической редукции *-s* и устранение “тяжелых” стыков внутри колона).⁸

В процессе ритмической перестройки дистиха новый литературный жанр – римская элегия – формирует собственный синтаксис: ядерными элементами элегической фразы становятся опорные ритмические единицы стиха – просодические клише. Особенно отчетливым изменениям подвергается ритмика пентаметра: здесь по образцу гекзаметра распространяется правило икта-ударения (*ictus-*

⁸ M. von Albrecht. *Geschichte der römischen Literatur* (Bern 1992) 601.

accent theory) и два икта после диерезы совмещаются с ударениями слова. В границах короткого дактилического колона совпадение предпоследнего икта с ударением автоматически означало обязательность двухсложного слова в клаузуле пентаметра, поэтому второй колон пентаметра заимствует модели словозаполнения, уже отработанные для пятой стопы гексаметра. Так, до 70% форм *nom. = acc. plur.* среднего рода множественного числа в тексте классической элегии будут использованы именно после диерезы пентаметра.⁹ Ритмическое регулирование пентаметра и утверждение слова с ямбической просодией в его клаузуле связано с именем Тибулла.¹⁰ В окончаниях пентаметра Катуллы и раннего Проперция многосложные слова вполне обычны: в пентаметре Катуллы конечное двухсложное слово представлено лишь в 37,9% стихов, тогда как для первой книги Тибуллы эта цифра составляет 93,4%.¹¹ Примечательно однако, что в немногочисленных сохранившихся пентаметрах Энния модели словозаполнения выглядят приближенными скорее к классической норме, чем к эпиграмматическим схемам донеотериков и неотериков.

Enn. Epigr. (Warmington):

- 2 ... / *aequiperare queat*
- 4 ... / *maxima porta patet*
- 8 ... / *maxima facta patrum*
- 10 ... / *vivus per ora vivum.*

Нельзя исключить, что естественная для латинского стиха традиция совмещения предпоследнего икта пентаметра (P-5) с ударением слова присутствовала уже в архаической эпиграмме, однако на рубеже II-I вв. до н. э. была расшатана практикой донеотериков и неотериков. В греческой элегической поэзии, на которую ориентированы представители римского александринизма,¹² многосложные слова в исходе пентаметра являются нормой. К примеру, в элегическом гимне Каллимаха “На омовение Паллады” двухсложные словоформы встречаются в исходе примерно 20% пентаметров: соответствия икта и ударения в греческом стихе не учитывались.

⁹ G. J. Siefert. Meter and case in the Latin elegiac pentameter // *Language* 28 (1952): 4, 20.

¹⁰ H. Drexler. Zum lateinischen Pentameter // *Philologus* 105 (1924) 219.

¹¹ E. Th. Sturtevant. Accent and Ictus in the Latin Elegiac Distich // *TAPA* 55 (1924) 76.

¹² G. B. Conte. *Latin Literature. A History*. Transl. by J. B. Solodow (Baltimore -- London 1994) 139.

Тибулл или кто-то из его ближайших предшественников мог восстановить естественную ритмическую тенденцию пентаметра, канонизированную впоследствии элегической поэтикой. Утверждение правила икта-ударения в пентаметре элегии способствовало стремительной схематизации его синтаксического уровня. В отличие от гекзаметра, где запрет на спондеи касался единственно пятой стопы, в пентаметре просодические клише с краткими флексиями *-a*, *-e* были призваны обеспечить дактилический ритм всего второго колона. Элегики, подавив антипатию к *similiter cadentia*, разрешают постановку после дизрезы пентаметра атрибутивного сочетания женского или среднего рода с краткой флексией *-a*, удобного при преобладающем консонантном начале следующего слова (*ulla puella, custodia saeva, celsa lavacra* в приведенных примерах Тибулла). В поздней элегии Намациана по аналогии с пентаметром сочетания такого типа активно проникают и в элегический гекзаметр (*delubra micantia, deleta iniuria*). Классический гекзаметр неохотно использовал подобные просодические формулы после цезуры, так как они провоцировали помимо четвертого дактиля также нежелательное, по-видимому, совпадение четвертого икта с ударением слова. В классическом гекзаметре Вергилия совпадение икта и ударения в четвертой стопе не превышает 37,67%,¹³ а четвертый дактиль встречается лишь в 27,16% стихов.¹⁴

Для представителей элегической поэзии использование *metri gratia* просодических клише с конечными краткими *-a* и *-e* во втором полустишии становится жанровой нормой. В зависимости от изменений на семантическом уровне доля отдельных клише может колебаться: например, в поздней описательной элегии Клавдиана и Намациана сокращается процент клише женского рода, активных в элегии любовной, реже по мере ограничения разговорных конструкций используются инфинитивные клише, однако компенсаторно увеличивается процент клише среднего рода множественного числа и появляются финитные глагольные формы с флексией *-ere*.

В первых книгах Тибулла, Овидия (“Фасты”) и Намациана, несмотря на значительные синтаксические и стилистические различия, процент замещения просодическими клише позиций Н-5, Р-4 и Р-5

¹³ G. E. Duckworth. *Structural Patterns and Proportions in Vergil Aeneid* (Michigan 1962) 111.

¹⁴ L. De Neubourg. *La base métrique de la localisation des mots dans l'hexamètre latin* (Bruxelles 1986) 159.

остаётся вполне стабильным: приблизительно в 60% гекзаметров и 70 % пентаметров предпоследний икт совпадает с одним из главных просодических клише: *nom. (voc) sing. 1 скл., nom. = acc. plur. среднего рода, abl. sing. 3 скл., inf. praes. act. и inf. perf. act. (в пентаметре)*.

Ритмический канон строго дактилических позиций, по-видимому, отразил объективность преобладающего в знаменательных словах консонантного начала, несмотря на то, что поэты сознательно обогащали клаузулы стиха словоформами с начальной гласной фонемой. Так, Аксельсон отмечает активное использование Овидием в конце пентаметра двухсложных форм с вокальным началом: в “Метаморфозах” Овидия, например, существительное *aqua* встречается 85 раз, тогда как в его элегических текстах 400 примеров использования этого слова, в подавляющем большинстве в конце пентаметра.¹⁵ Несомненно, элегики допускали лексическое однообразие в клаузуле пентаметра (высокочастотные *aqua, amor, opus, equus, erat, erit, habet* и др.) ради варьирования синтаксических моделей. Начальная гласная фонема этих (немногочисленных) ямбических слов позволяла разместить в предпоследней позиции финитный глагол с флексией *-t* или именные формы с конечным *syllaba anceps*.

Если предпоследние позиции гекзаметра и пентаметра накапливали просодические клише с конечными краткими открытыми слогами, перед основными паузами стиха (главной цезурой и концом стиха) преимущество получают словоформы с конечными долгими по природе слогами. В приведенных примерах схемы (J) V Ao / As ↔ S O // именные словоформы с долгими флексиями безусловно преобладают в конце колонов над словоформами с конечным кратким закрытым слогом. Долгий слог был удобен прежде всего для предцезурной позиции. Срединная пауза стиха, согласно современным экспериментальным данным, примерно вдвое короче паузы между стихами.¹⁶ Для латинского элегического стиха аналогичное соотношение подтверждается редкостью метрического удлинения (исключительно *syllaba anceps*) перед основной цезурой¹⁷ и спорадическими элизиями в третьей стопе эпического гекзаметра.

Долгие конечные слоги также предлагала преимущественно именная парадигма, а потому в концовках полустиший в процессе становления элегического канона (первые книги Проперция и Тибулла)

¹⁵ Axelson. *Op. cit.*, 124.

¹⁶ Л. В. Златоустова. О ритмических структурах в поэтических и прозаических текстах // *Звуковой строй языка* (М. 1979) 113.

¹⁷ M. Platnauer. *Latin Elegiac Verse* (Hamden Connecticut 1971) 59–62.

широко распространяются дистантные атрибутивные сочетания. Из долгих флексий элегия особенно выделяла сигматические окончания *-as, -os, -is, -es, -us*, независимые от ближайшего просодического контекста (долгий гласный или дифтонг перед цезурой требовали обязательного консонантного начала следующего слова). Эти именные словоформы можно отнести к числу просодических клише конечных позиций колонов (Н-3, Н-6, Р-3, Р-6). Ритмическим удобством дистантных атрибутивных сочетаний с долгими сигматическими окончаниями объясняется, на наш взгляд, популярность в элегическом стихе гипербата по схеме ...А /...О // и поэтического множественного числа (*pluralis poeticus*). Если в ритмически менее строгой элегии и эпиграмме Катулл ас. *sing. amorem* даже несколько преобладает над ас. *plur. amores*, то для Проперция *amores* в исходе гекзаметра становится абсолютной нормой.

Доля просодических клише с конечными долгими слогами колеблется более значительно: не говоря о позиционном удлинении *syllaba anceps* концом стиха, латинские парадигмы предлагают значительный выбор форм с долгими окончаниями. В то же время и в первой книге Проперция, и спустя почти пять веков в поэме Намациана процент долгих сигматических окончаний в исходе гекзаметра превышает 30%. Как и *pluralis poeticus* среднего рода с краткой флексией *-a*, атрибутивные сочетания с сигматическими окончаниями выполняет важную структурную функцию: при минимальных версификационных усилиях они позволяют достичь идеально четкого ритма.

Таким образом, схематизации порядка слов в латинском элегическом стихе предшествовала длительная адаптация дактилического метра к латинскому языку, в процессе которой языковая система гекзаметра (а впоследствии и пентаметра) отбраковывала просодически неудобные словоформы и, напротив, концентрировала в основных позициях стиха синтаксически востребованные просодические клише. Арсенал просодических клише в целом сложился в эпосе уже к эпохе Цицерона и неотериков: исследователи регулярно отмечают ровную ритмику “Аратей” и 64 эпиллия Катулл.¹⁸ В этих текстах можно проследить архетипы и большинства линейных элегических схем. Издатель “Аратей” Ж. Субиран указывает также на учениче-

¹⁸ K. Thraede. *Metrische Proklise in epischem Vers der Römer // Glotta* 58 (1980) 88; Ross. *Op. cit.*, 120.

ское злоупотребление со стороны молодого Цицерона однообразными формами образца *lumina, lumine* в пятой стопе гекзаметра.¹⁹

Просодические клише, отобранные языковой системой конкретного (дактилического) метра, становятся важными структурными единицами его синтаксического уровня. В связи с утверждением в латинском стихе правила икта-ударения число полнознаменательных слов в стихе сближается с числом его сильных позиций. В ситуации, когда три-четыре позиции стиха заполняются синтаксически однообразными формами, естественно ожидать формирования однообразных же синтаксических схем. Обращаясь к схеме (J) V A_o / A_s ↔ S O //, можно заключить, что главной причиной ее устойчивости в стихе элегии является ритмическое удобство: четыре полнознаменательные элемента схемы относятся к *жанровым* просодическим клише. Схематизация элегического порядка слов, более значительная, чем в эпическом гекзаметре, не говоря уж о низких дактилических жанрах, помимо ритмических строгостей жанра поддерживалась отчасти и особенностями метра, его сильной паузой после более короткого пентаметра. Резкая пауза после пентаметра затрудняла перенос фразы из дистиха в дистих (межстрофный enjambement), и попытки Катулла утвердить в элегическом тексте объемный эпический период не имели успеха (иногда к подобным переносам обращается и Клавдиан, также имевший опыт эпического стихосложения). Сильная пауза изначально ограничила объем элегического предложения и типы его распространения, по мере же усиления ритмической строгости схематизация элегического порядка слов становится неизбежной.

Не вызывает сомнения, что поэты, особенно поздние, высоко ценили и эстетические эффекты некоторых схем (так называемые “золотые” и “серебряные” строки с двойными гипербатами). Для некоторых эпох можно предположить и увлечение гомеотелевтами. Декоративная симметрия и почти графическая четкость традиционных схем словорасположения, например, тщательно шлифуется в стихе Клавдиана и Намациана, из которого вопреки аналитическим тенденциям живой латыни IV–V вв. н. э. почти полностью исчезает ритмически беспокойная односложная лексика. История жанра несомненно знала и такие периоды, когда однообразие часто практикуемых синтаксических схем утомляло поэтов. Однако при этом поэт

---

¹⁹ Cicéron. *Aratea. Fragments poétiques*. Texte ét. et trad. par J. Soubiran (Paris 1972) 105.

оказывался перед альтернативой: либо снизить качество ритма, либо обеспечивать его ценой ненормированных усилий. Поскольку требование ритмической четкости закрепилось в элегическом каноне, авторское варьирование элегического синтаксиса практически не затрагивало каркаса схем – просодических клише, чрезвычайно устойчивых на протяжении всей истории римской элегии.

В. П. Смышляева

Уфа

The regular schemes of word order in Roman elegy (f. e. J V A o / A s ↔ S O) are the result of elegiac metre being adapted to the peculiarities of Latin prosody. Already in the time of Ennius the language system of the Latin dactylic verse starts selecting rhythmically convenient word-forms (*prosodic word-shapes*) for the principal positions in the verse. Prosodic word-shapes of quantitative verse must have a distinct quantity in the final syllable, i. e. they must be maximally independent of the initial phoneme of the following word. Word-shapes with the final open short syllable (*nom. sing. 1 decl., nom. = acc. plur. neutra, abl. sing. 3 decl., infin. praes. act., inf. perf. act.*) are selected for the fifth foot of a hexameter and for the second hemistich of a pentameter, since in Latin notional words the consonantal beginning prevails and the positionally lengthened *syllaba anceps* is less convenient in such positions. And vice versa word-shapes with a naturally long inflexion are selected for the endings in hemistichs. The percentage of word-shapes with the inflexions *-as, -is, -os, -es, -us* equally independent of the vocalic or consonantal beginning of the following word is high in this group. The rhythmical convenience of such word-shapes promotes in large measure the spreading of hyperbaton ...A / ...O // and *pluralis poeticus* in elegy. Prosodic word-shapes guarantee the optimal quality of rhythm with maximal economy of versification efforts. Their share naturally increases in Roman elegy with its strict rhythmical canon. The regulation of the rhythmical system of distich (the penetration of the ictus-accent theory or its restoration after the practice of neoteric poets) leads to a saturation of the elegiac text with word-shapes and to an unavoidable schematization of its syntactical level. The metrical factor promoting schematization is the strong pause after a pentameter which limits the length of the elegiac sentence and the syntactical variation of rhythmically peripheral position.